

Приобретение о. Антонином (Капустиным) участков на Святой Земле

Видя, что сложившиеся отношения с русскими государственными представителями парализуют всякую деятельность Миссии, пытливый ум о.Антонина находит сферу для приложения своих сил и способностей, благодаря которой значительно укрепились в Палестине влияние и авторитет русских. Таким великим делом явилась покупка Миссией земельных участков вне Иерусалима.

Решив направить энергию Миссии по такому руслу, о.Антонин в 1868 году покупает участок в Хевроне с Дубом Мамврийским. Один из исследователей жизни отца Антонина так описывает приобретение этого участка:

«Одной из первых и едва ли не самой замечательной покупкой о.Антонина был знаменитый Мамврийский, или Авраамов дуб, близ Хеврона, около которого, согласно Бытописателю, Патриарх, отец верных принял Трех Таинственных Странников (Быт. 8, 18; 18, 1-5). С древнейших времен в преданиях местного населения сохранилось убеждение, что принадлежащее ныне русским урочище так называемое „Хир-бэт-эн-зибта“ в получасе ходьбы от Хеврона и есть библейская дубрава. Это предание передавалось из поколения в поколение и об Авраамове Дубе говорят многие свидетели древности, историки и паломники. Огромный дуб с тремя широко разросшимися ветвями, выделяющийся своей величиной среди виноградников и маслин, с давних пор является объектом религиозного почитания местного населения, именно как дуб Авраамов. Следует заметить, что арабское население Хеврона считалось всегда наиболее фанатическим

из всех мусульманских племен Палестины. Непримируемость хевронских шейхов была общеизвестной. Христиане проникают туда очень поздно и доныне в малом числе. Первым христианским просветителем, не убоявшимся поселиться в Эль-Халиль (арабское название Хеврона), был наш о.Антонин.

После тщательных разведок на месте и серьезного размышления о.Антонин решился попытаться приобрести Дуб. Это решение поддерживал в нем и драгоман Миссии Я. Е. Халеби. Самый участок с библейским древом, сравнительно небольшой, принадлежал уже более 70 лет некоему Ибрагиму Шаллуди, получившему его в наследство от своего отца Османа. Ибрагим, кроме чисто религиозных соображений, дорожил своей собственностью также как довольно выгодной статьей дохода и продавал заезжим туристам — немцам и евреям (которых арабы очень недолюбливали всегда) ветки, сучки и листики священного дерева для столярных поделок. На основании тщательно и осторожно собранных сведений являлась вероятность предполагать, что Ибрагим не прочь будет продать даже и самую святыню. Трудность была только в формальности, как узаконить продажу. Конечно, нельзя было и думать о том, чтобы действовать открыто и законным путем купить Дуб на русское имя. Тут-то и оказал неоценимую услугу Яков Егорович (Халеби, драгоман Миссии — А.Н.). Снабженный деньгами, соответствующими документами и всем необходимым для своей неожиданной и новой роли, зимой 1868 года он явился в Хеврон, переодетый под видом купца из Алеппо. Была специфическая для Палестины зимняя непогода с дождями и ветрами, в тот год особенно сильными.

Яков Егорович, осторожно играя свою роль, якобы закупал товары, вращаясь среди хевронских торговцев, пробыл в Хевроне довольно долго. Дело двигалось вперед очень медленно, во все же была надежда на стоворчивость Шаллуди. Как-то раз, когда перестала непогода и настало несколько ясных, теплых дней, неожиданно радующих взор среди Палестинской дождливой зимы, Яков Егорович решил провести ночь под самым священным древом. Как только он устроился на ночлег и завернулся, чтобы уснуть, вдруг раздался выстрел

и над его головой просвистела пуля какого-то фанатика-араба, спрятавшегося вблизи алеппского купца. Покушение, слава Богу, не удалось. Но оно показало ясно опасность, которой подвергался смелый путник, и оправдало столь известный фанатизм хевронцев. Все же, наконец, после длительных и томительных переговоров, затягивать которые арабы такие мастера, комбинаций, предосторожности, бесчисленных бакшишей, тоже столь необходимых в той среде, Шаллуди продал участок земли с Дубом Якову Егоровичу, на что был немедленно составлен законный владельческий акт („кушан“) на его же, Якуба Халеби, имя.

От очевидцев пришлось слышать о встрече его с о.Антонином в Иерусалиме. Отец архимандрит ожидал приехавшего Халеби у входа в зал на лестнице в здании Миссии. Как только Яков Егорович увидел еще снизу фигуру о.Антонина, он радостно взбежал на лестницу, помахивая кушаном и крича: „Дуб — русский, дуб — русский“. О. Антонин широко раскрыл ему свои объятия и, радостно обняв его, расцеловал. На этом заботы отца архимандрита о Мамврийском участке не остановились. После этой сделки удалось купить еще несколько прилегающих к Дубу смежных владений и, таким образом, округлить нашу там усадьбу. Но фанатизм шейхов все же не мирился с вторжением неверных в священные пределы мамврийские. Особенно много неприятностей пришлось пережить при покупке (на совершенно впрочем законных основаниях) одного из соседних владений от очень уважаемого в народе шейха Салеха Мжагеда. Протестовало и местное население, и турецкая администрация. В дело вмешались паша-губернатор Иерусалима, хевронский каймакам, муфтий, кадий и весь хевронский меджлис. Особенно был настроен нетерпимо муфтий, который, как пишет о том о.Антонин консулу Кожевникову, не затрудняется публично говорить весьма почтенному и считаемому в народе за святого шейху Салеху Мжагеду, что он стоит того, чтобы снять с него чалму, повесить ее на шею ему и водить его с позором по городу за то, что продал свою землю христианам, но как бы то ни было, в результате этой энергичной, осторожной и умелой деятельности отца архимандрита, Миссия владеет у Дуба

Мамврийского участком в общей сложности площадью в 7.2354,74 квадратных метра. Уже 22 мая 1871 года под сенью Дуба была совершена первая Божественная Литургия.

Со временем над свидетелем славы Патриарха Авраама устроен был железный навес, а самое основание ствола было окружено особым каменным фундаментом, на котором и совершается богослужение.

Надо сказать, что прошедшие тысячелетия не пощадили маститого старца и значительно сказались на его внешнем виде: дерево заметно гниет, подвергается червоточению и сильно сохнет, что, по словам самого о.Антонина, начало усиливаться особенно со времени перехода дерева в наши руки. Одна из отсохших и бурей сломленных ветвей его хранится в Миссии.

Ныне на этом обширном участке красуется прекрасный приют для паломников, сторожевая башня, две цистерны для дождевой воды — все это сооружения о.Антонина, не говоря уже о величественном новом храме, начатом постройкой в 1907 году при начальнике Миссии архимандрите Леониде (Сенцове) и освященном в 1925 году».

Приобретение этих участков было произведено с 1868 по 1889 год. **Все двенадцать участков земли, составивших одно большое владение Русской Духовной Миссии,** были куплены за 11.000 франков на имя драгомана Миссии Я. Е. Халеби, а позднее все было переведено на имя Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. По турецким законам землю не мог покупать иностранец, землей мог владеть только подданный Оттоманской империи. Этим первоначальным оформлением участка на свое имя, а потом переводом его на имя Миссии Халеби оказал России неоценимую услугу. Нужно вообще отдать дань должного уважения к памяти этого человека, преданного России, но должным образом не оцененного. Правда, он получил в награду золотую медаль из Петербурга, был избран членом Палестинского Общества за свои труды, однако после смерти о.Антонина как-то быстро забылись его труды и заслуги. Он был близким другом отца Антонина, терпевшего на чужбине как от чужих, так и от своих. Чтобы больше отравить жизнь энергичному начальнику Миссии, об его отношениях к драгоману пускались разные скверные

слухи, но сам о.Антонин всегда говорил, что Яков Егорович (Халеби) скрасил всю его жизнь.

После более чем тридцатилетней службы в Миссии, давшей такие большие и полезные результаты, Я. Е. Халеби очутился в затруднительном материальном положении.

В ноябре 1894 года он обратился с письмом к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, в котором писал: «Состоя с лишком 30 лет на службе драгоманом при Иерусалимской Духовной Миссии в ведении Российского Святейшего Синода, я исполнял усердно и честно все те трудные поручения, которые возлагал на меня мой начальник, покойный отец архимандрит Антонин. Трудно представить, какие затруднения я встречал при покупке земель. Все земли были куплены на мое имя, как турецкого подданного, имеющего право приобретения земель, и за незначительную сумму. Одно время находился под гнетом местной турецкой власти, которая за услугу, оказанную мною Русской Духовной Миссии, заставила меня во время последней войны немедленно оставить Иерусалим, не говоря о других препятствиях, которые я встречал при получении разрешений на построение церквей и приютов в разных местах Палестины. Имея в виду вышеуказанные труды, я осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство обратить Ваше высокое и милостивое внимание на мою службу, так как я имею семью и малолетних детей, которые нуждаются в обеспечении в будущее время».

Несмотря на то, что все изложенное в этом прошении подтверждалось свидетельством последующих начальников Миссии, хорошей пенсии в благодарность за свою службу Яков Егорович Халеби так и не получил.

За время отца Антонина на этом участке была построена каменная ограда сухой кладки (без цемента и извести) вокруг всего владения. В 1874 году была окончена постройка двухэтажного дома для приема паломников. В 1890 году была построена сторожевая башня, с которой виден весь участок. Постройка дома и башни обошлась в 32.000 франков.

Следующие земельные покупки о.Антонина шли в таком хронологическом порядке:

В 1869 году он купил большой участок около деревни Бет-Джа-ла. К этому участку был прикуплен потом еще небольшой участок. Всего площадь этого приобретения равнялась 2.700 кв.м. На участке отец Антонин построил для себя домик. Расход на покупку и постройку равнялся 3.500 франков. **В 1886 году этот участок о.Антонином был подарен великому князю Сергию, а последний передал подарок в заведование Палестинскому обществу.**

Около Бет-Джалы на вершине горы Рас-Она был приобретен еще один участок в 1873 году. Размер участка 519 кв.м., цена 642 франка. Впоследствии этот участок был также передан через князя Сергия Палестинскому Обществу.

Через год, в 1874 году, о.Антонин купил **участок в Иерихоне**. На участке был разведен сад и построен дом для проходящих через Иерихон на Иордан паломников. Размер участка 15.126 кв.м. Нет сведений о том, за сколько куплена была земля. При покупке земли был совершен вакуфный акт. На этой территории о.Антонин сделал раскопки, он нашел 5 колонн, по-видимому, какой-то древней базилики. Позднее еще были найдены 6 камней с живописными изображениями святых, гранитный розовый камень и фрагменты колонн и мозаики.

Покупка в Иерихоне была тоже замечательна по своим последствиям. «Эта часть долины Иордана в древнее время была известна своим плодородием. Прежние Иерихоны находились поблизости нашего сада. Первый из них, построенный вокруг источника Пророка Елисея, был в ? часа пути к северу от нашего сада. Разрушенный евреями за 14 веков до Р. Х., он никогда не терял вполне своего значения. Он только отступил на ? часа пути к югу от нашего сада. За 500 лет до Р. Х. Ирод Великий так украсил его великолепными дворцами и постройками, что город вновь сделался знаменитым. Благодаря искусному орошению (длина его каналов была около 20 километров), его сады пальм были так известны и вместе с тем доходны, что триумвир Марк-Антоний не посовестился подарить доходы с них

капризной красавице Клеопатре. Разрушенный Веспасианом (в 70 году по Р. Х.), он вновь был возобновлен императором Адрианом во II веке. Этот третий Иерихон был опять разрушен в VII веке арабами. Но в XII веке Крестоносцы вновь восстановили его, и он сделался опять почти столь же знаменитым, как и второй Иерихон при Ироде. После их изгнания из Святой Земли город опять был разрушен.

В 1874 году, когда наш знаменитый архимандрит Антонин, не боясь набегов бедуинов, выстроил здесь странноприимный дом для русских паломников, то этот дом был единственным европейским жилищем. Близ него было 150 мазанок, в которых жили арабы-мусульмане. Дом и наши паломники были причиною появления безопасности в этих местах, и они вновь возвращаются к жизни. Скоро вслед за о.Антонином Православной Патриархией были выстроены дом и церковь и еще дом — одной русской поклонницей. Ныне здесь уже три каменных дома и около 10, сделанных из земляных кирпичей, в большинстве коих помещаются порядочные гостиницы, усердно посещаемые зимой и весной туристами. Эти места вновь станут знаменитыми и, несомненно, что зарождающийся (пятый по счету) Иерихон имеет будущность».

Писавший так в конце прошлого века оказался прав. Сейчас Иерихон довольно приличный город.

Нужно немного коснуться форм земельного владения в Палестине (несколько выше мы упомянули вакуфный акт), так как земли Миссии были оформлены актами разных категорий, и эти формы владения неизменны и сейчас как в Иордании, так и в Израиле.

Первой категорией земельного владения будет мулк. При этой форме владелец земли является ее полным хозяином и владельцем. Он может свою землю продать и завещать, кому он хочет.

Вторая категория — мири. Это относительная форма собственности земли. Продать ее юридически владелец не имеет права, но он может отдать ее кому-либо и получить за это деньги. После смерти владельца эта земля остается обязательно в его семье. Завещать эту землю кому-то постороннему нельзя.

Третья категория — вакуф или вакф. Земля, оформленная актом вакуф, считается достоянием Бога, владелец земли — только держатель ее. Такой участок нельзя ни продать, ни завещать. Обычно вакуф называется еще имуществом бедных, так как доходы с таких земель обычно идут на какие-то благотворительные организации. Причем благотворительность чаще обусловлена определенным кругом лиц, на кого она должна распространяться. Бедные обычно разделяются по религиозной принадлежности: православные, католики, мусульмане и так далее. Если в данной местности не окажется ни одного бедного того религиозного исповедания, для которого оформлен вакуф, то суд может своим решением передать вакуфную землю бедным другого исповедания.

Вакуф бывает или на определенный срок, или постоянный. Вакуф не может никогда перейти в иную форму владения.

В 1875 году близ Иерусалима в **деревне Силоам** (Иосафатова долина) приобретено было 409,37 кв.м. за 400 франков. На этой земле было две пещеры — одна большая с резным по камню карнизом (она так и называется пещера с поясом) и другая — меньших размеров. Впоследствии участок был оформлен как вакф. После покупки земли кругом была построена стена сырой кладки (на извести), которая обошлась в 1.100 франков.

С 1878 по 1882 год о.Антонин купил **второй участок около Силоама** за 400 франков. Оформили землю на имя крестьян Абдаллы и Мыслеа Дараваш. Архимандритом Рафаилом позднее была здесь же прикуплена еще земля за 1.000 франков. **Участок этот был потом подарен князю Сергию.**

В 1879 году в **деревне Аната** близ Иерусалима (предполагают, что деревня Аната — древний Анафоф, родина пророка Иеремии) было куплено 370 кв.м. земли за 740 франков (в документе было указано 450 кв.м.). На этом участке сохранились остатки древней христианской церкви, два невысоких остатка стены, мраморные плиты пола, основания колонн. В конце XIX века землю **подарили князю Сергию**, и на его имя был переоформлен участок.

В этот же год была произведена другая ценная покупка.

На берегу Тивериадского озера в городе Тивериаде о. Антонин купил 773.91 кв.м. земли. На участке был построен дом для паломников, в одной из комнат дома устроили часовню. Этот дом называется до сих пор «домом со сводами», как его назвал о.Антонин. Стоимость земли и постройки неизвестна.

В 1881 году покупается **фруктовый сад в Иерихоне** недалеко от источника пророка Елисея. Покупку сначала совершил на свое имя иеромонах Иоасаф, через несколько лет земля была переведена на имя генерал-майора Степанова М. П., затем было снова переоформление на Миссию, и, в конце концов, Миссия подарила участок князю Сергию. Размер участка 5.375 кв.м., цена — 5.554 франка. В саду имелись остатки мозаики и древних развалин. Здесь были построены два дома для нужд паломников, на что израсходовано 7.776 франков. (на самом деле иеромонах Иоасаф подарил этот участок Императорскому Православному Палестинскому Обществу, он оформлялся на разных должностных лиц и в итоге на Председателя ИППО вел.кн.Сергея Александровича, Миссии участок сдавался в аренду. В настоящее время участок передан в российскую собственность и на нем построен музейно-парковый комплекс. Прим. IPPO.Ru)

В этот же год начинаются переговоры о покупке **участка в Гефсимании**. Переговоры идут от имени императорской фамилии, на ее имя и оформляется купленная земля в 1889 году. Русской Духовной Миссии было поручено заведование этим участком. Вскоре здесь была построена церковь во имя св. Марии Магдалины. Кругом участка была построена каменная стена сырой кладки. В ограде построили несколько домов, в том числе один на месте камня, где по преданию Матерь Божия явилась апостолу Фоме после ее Успения. Весь участок площадью в 11.830 кв.м. О стоимости его в архиве Миссии нет указаний. По смете на построение церкви ассигновывалось в 1884 году 100.000 руб. серебром.

В августе 1881 года и в марте 1884 года о.Антонином куплено 4.136,862 кв.м. земли **в Иерусалиме недалеко от Елеонской горы** за 1.700 франков. Вокруг владения, кроме стены, там не было ничего построено.

В 1882 году по частному документу о.Антонин купил так называемые **пещеры пророков** (чем объяснить такое название — неизвестно). Размер владения — 1.503 кв.м. за 2.760 франков. Официальный документ на это был получен в 1890 году.

По поводу этого приобретения Порты в словесной ноте от 18/30 мая 1892 года заявила, что сама пещера и дорожка к ней будут считаться общественной собственностью, но фактически все принадлежало Русской Духовной Миссии до тех пор, пока участок не **подарили князю Сергию**. Участок был обнесен стеной.

1889 год ознаменовался покупкой земли в евангельской **Кане Галилейской**. За 5.500 франков о.Антонин приобрел участок земли в 900 кв.м. на имя Селима Хури. Землю вскоре насильственно захватили католики, началось судебное дело. Пристрастный суд вынес решение в пользу латинян, а Миссия своевременно не опротестовала это решение, и земля перестала быть нашей собственностью.

В том же 1889 году в Тивериаде был куплен еще **участок, называемый «с колоннами»**, размером 18.000 кв.м. (По описи русского консульства этот участок исчислялся в 82.800 кв.м.) за 600 франков на имя Селима Хури. Недолго владела Миссия этой землей. Турецким правительством документы на оформление купли-продажи признаны были подложными, и для Миссии участок был потерян.

Такая же судьба постигла и **участок «с горячими ключами»**, купленный тогда же в Тивериаде за 226 франков. Площадь его, по документам, была 4.500 кв.м., а по описи Российского консульства — 22.400 кв.м. По поводу этих участков была переписка с Петербургом, из Министерства иностранных дел было дано указание отказаться от этих земель и не поднимать из-за них никаких споров и судов, так как подложность документов, по каким оформили покупку, была несомненна.

В восьмидесятые же годы отцом Антонином был приобретен **участок в Вифлееме** около храма Рождества Христова. Покупка произведена была на средства графини Орловой-Давыдовой,

а в 1894 году по ее желанию **участок был передан в собственность Палестинскому Обществу**. (Речь идет об участке эль-Атн, в настоящее время на нем построена гостиница РДМ. Прим. IPPO.Ru) В эти же годы была еще куплена земля **около Хеврона под названием «Хирбет-уль-Насар»** площадью около 196.153 кв.м. Покупная цена неизвестна. Особо нужно остановиться на приобретении отцом Антонином двух участков, связанных с евангельскими повествованиями. Эти ценнейшие участки — **земли на Елеонской горе и в Айн-Кареме**, который древнейшим преданием отождествляется с Горним градом Иудовым.

С 1868 по 1889 год отцом Антонином были куплены **восемь участков на Елеоне** общей площадью 38.492,55 кв.м. За участки было заплачено 20 тысяч франков. Вскоре после оформления акта купли-продажи началась постройка церкви, колокольни и домов. Елеонская гора, освященная вознесением Спасителя, еще давно привлекала к себе взор архимандрита Порфирия, как мы упоминали. Другой начальник Русской Духовной Миссии осуществил мечту архимандрита Порфирия о постройке русского храма на Елеоне. О. Антонину хотелось на Елеоне устроить мужской монастырь, однако недостаток средств задерживал не только организацию монастыря, но и возведение построек.

В 1877–78 годы во время русско-турецкой войны о.Антонин вынужден был уехать из Палестины. Пробыв тревожное время в Греции, он вернулся в Иерусалим и приступил к продолжению строительства храма, так как в его отсутствие дело остановилось. В 1885 году постройка церкви и ее штукатурка была окончена, и в том же 1885 году было совершено освящение храма во имя Христа Спасителя. Греки не разрешили освятить храм в честь Вознесения. В 1886–87 годах окончились работы по устройству лестницы и решеток на колокольне, и с Елеона стал разноситься по окрестностям русский звон, который как бы вторил миссийским колоколам. Колокол для Елеона был отлит больший, чем миссийский, этот колокол из Яффы до Иерусалима наши усердные паломники везли на себе. Колокольня Елеонского монастыря самая высокая в Палестине. Говорят, что о.Антонину хотелось сделать ее еще выше, чтобы, подъезжая на пароходе к Яффе, наши паломники в ясную погоду могли бы ее видеть, но турецкое

правительство якобы не разрешило этого. Монастыря так и не удалось создать отцу Антонину. Это благое желание осуществилось уже после его смерти, но об этом речь будет идти в своем месте.

Не менее ценным приобретением, чем Елеон, была покупка земли в **Айн-Кареме**.

С 1871 года и в последующее время о.Антонином было куплено 228.776,90 кв.м. Первый участок в этом месте он купил у драгомана Французского консульства Ханна Джелад за 55 тысяч франков. Для самого продавца эта продажа обошлась очень дорого. На другой день после оформления документов на владение он был найден убитым. Эта месть была сделана за то, что он, будучи католиком, продал землю православным, да еще русским. В это время и сами католики активно действовали в Айн-Кареме.

После первой покупки о.Антонин округляет свое владение новыми приобретениями, в числе которых были **два клочка земли**, купленные один на имя матери о. Антонина, а другой — на имя драгомана Миссии Я. Е. Халеби. Этот второй участок перешел потом к С. А. Апостолиди (сирота, благодетельствованная о.Антонином). До сих пор дом, где жила Апостолиди, сохранил наименование «дома Софьи-гречанки».

Вместе с землей о. Антонин купил и два дома. Вскоре после оформления купли-продажи на этом месте начинает устраиваться женская община монастырского типа. По мысли отца Антонина эта община должна была быть чем-то единственным в своем роде. Это не монастырь со строгой организацией и дисциплиной, это даже не была община в ее подлинном смысле. О. Антонин хотел, чтобы весь громадный участок, всю гору (монастырь находится на северном склоне горы) заселили русские паломницы, хотящие до конца своих дней оставаться в Святой Земле. Поэтому при поступлении в монастырь соблюдался такой принцип, что каждая насельница за определенную сумму, уплаченную Миссии, получала свой земельный надел и должна была на свои средства построить дом, все хозяйственные к нему постройки, развести кругом дома садик.

Когда строительница дома умирала, то дом и свой земельный надел она могла передать по своему желанию одному лицу женского пола из монастырских жительниц, а уже после смерти такой преемницы по дому вся недвижимая собственность покойной переходила в полную собственность Миссии. О. Антонин хотел, чтобы в обители не было никого начальствующих, но его желание выполнялось только при его жизни, когда община была в исключительном ведении начальника Миссии, а в Горнем была только старшая сестра из насельниц. После смерти о.Антонина во главе общины была поставлена настоятельница, но без сана игумений. (Это звание появилось в Горнем во время управления Миссией карловацким Синодом). Объединять всех сестер должны были храм и трапеза. Правила, какими регламентировалась жизнь общины, были утверждены Синодом в 1898 году. Несомненно считая Айн-Карем горним градом Иудовым, о.Антонин исходатайствовал в Синоде установление особого праздника в память посещения Богоматерью своей праведной сродницы Елисаветы после Благовещения. Указом Синода от 5 августа 1883 года определялось праздновать в Горненской обители особый день в память пришествия «в Горняя» Богоотроковицы и ее пребывания здесь в течение трех месяцев. Это празднование совершается 30 марта, если этот день не попадает на время от Лазаревой субботы до Пасхи. Иначе празднование переносится на пятницу Светлой седмицы. Для служб этого горненского праздника о.Антонином были составлены особые стихиры и тропарь с кондаком. Канон на утрени в этот день положен благовещенский.

По указу Синода служба в Горненский праздник должна совершаться вся по благовещенской главе Типикона, включая Литургию св. Иоанна Златоуста. Митрополит Анастасий, глава Карловацкого раскола, отменил это распоряжение Св. Синода, и в праздничный день стали совершать Литургию Преждеосвященных Даров. В 1956 году начальник Миссии архимандрит Пимен особым рапортом обратился к Святейшему Патриарху Алексию о восстановлении старинного синодального Указа. Святейший Патриарх

это ходатайство удовлетворил, и теперь снова восстановлена старая традиция.

Мы несколько отвлеклись от хронологической последовательности, так как прежде чем установить праздник, нужно было устроить храм. Постройка церкви началась в 1880 году. Освятил церковь митрополит Петры Аравийской Никифор, как сказано в книге описей, — тайно. Вероятно, это было потому, что отношения Миссии с Иерусалимской Патриархией в то время были очень натянуты, а возможно и фирмана султана на освещение не было. Со времени покупки земли до кончины о.Антонина было построено 43 домика с цистернами для воды (в Горнем до сих пор потребность в воде удовлетворяется путем собирания ее в дождливые месяцы в особые резервуары-цистерны) и служебными пристройками. В самой верхней части монастырского владения была построена сторожевая башня. Всего на строительство ограды и монастырских зданий было истрачено 95.500 франков.

Так началась и доныне красуется, являясь одним из живописных уголков окрестностей Иерусалима, Горненская обитель, вся утопающая в зелени кипарисов, маслин и цветущих олеандров. Все деревья являются живыми памятниками неутомимого трудолюбия рабочих рук русских людей, преобразивших дикие и пустынные скалы Айн-Карема.

В 1868 году о.Антонин в пригороде Яффы приобрел **пустырь под названием «Дарбатейн Табита»**. Местное яффское предание связывает этот участок с местом последнего упокоения праведной Тавифы, воскрешенной апостолом Петром. В саду имеется часть древнего кладбища, где и предполагается гроб праведницы. Ежегодно в воскресный день, когда читается повествование из «Деяний святых апостолов» об этом событии, в неделю о расслабленном, тысячи арабов со всей Палестины стекаются доныне на это место, чтобы здесь провести этот праздничный день. Другое празднование св. Тавифы бывает 25 октября (7 ноября н.с.), но этот день празднуется более скромно, и не бывает тогда такого многолюдства, как весной. Размер земли, купленной в Яффе, равнялся 33.750 кв.м., цена — 2.800 франков. С

южной стороны впоследствии был прикуплен еще небольшой участок за 180 франков.

В 1884 году началась переписка с Петербургом по вопросу постройки церкви, которая и была заложена в 1888 году в честь св. апостола Петра и св. прав. Тавифы. Этот чудный храм стоит на возвышенном месте и до сих пор колокольня храма является самой высокой, недостижимой точкой в Яффе, Тель-Авиве и в их окрестностях. Белый иконостас этого храма был пожертвован Палестинским Обществом. Он является подарком о.Антонину ко дню 25-летнего юбилея его палестинского жития.

Через несколько времени после покупки этого участка на нем стали рассаживать деревья, был построен дом, где любил бывать о. Антонин. Скоро вся эта земля превратилась в цветущий сад, и доныне русский сад в Абу Кабире (район Яффы, где наш храм и сад) одно из красивейших мест в Яффе. Освящен храм был в 1894 году 16 января. Освящал его Патриарх Иерусалимский Герасим в сослужении митрополита Петры Аравийской и архиепископа Иорданского.

Служба св. Тавифе всегда праздновалась по общей Минеи. На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 29 декабря 1957 года было постановлено «поручить начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Никодиму составить проект службы в честь св. Тавифы».

Начальство к этому большому делу о.Антонина (покупка земель) относилось неодобрительно. Прежде всего на это неблагоприятно смотрел благодетель о. Антонина граф Игнатьев, посол в Константинополе. В одном из своих писем он шутливо писал о.Антонину: «Спасибо, что в турецких владениях существует лишь одна Русская Духовная Миссия, а не несколько, и что не все русские представители одарены такою мирно-потаянно-захватывающею деятельностью и таким беспокойным даром борьбы с мусульманством и латинизмом и протестантизмом, как один известный Вам и мне почтенный, но крайне предприимчивый деятель. Если бы было несколько „Духовных Миссий“ или несколько приобретателей разных земельных углов, то, право, бежать пришлось бы из Турции — не

туркам, а русскому представителю, да еще, пожалуй, православным иерархам, которым житья не будет от турецких и европейских подозрений. Шутки в сторону, а письмо Ваше, многоуважаемый и душевнолюбимый отец, меня как варом обдало. Если бы везде заваривались такие неожиданные „каши“, как ваша „дубовая“, то хоть в отставку подавай; во всяком случае брось политику и возись с разными муфтиями, беями, пашами из-за ненужных России клочков земли, для незаконного приобретения которых тратятся напрасно (курсив графа) русские деньги. Понять не могу цели всех палестинских захватов за последнее время. И какая польза нам прокладывать нашим лбом и плечами дорогу англичанам и латинянам в убежище хевронских фанатиков-мусульман. У нас денег не хватает на приличное содержание существующих построек, на устройство русского госпиталя в Константинополе, на окончание возобновления базилик в Миреликийской и на разные другие предприятия, действительно полезные для Церкви православной, для России и для единоверцев наших, а мы гонимся за разными участками в Палестине, нам существенно неважными (без них мы обходились и обойтись можем), возбуждая лишь зависть противников наших, предполагающих, что у нас существует какой-то глубоко-обдуманый государственный и церковный план деятельности в Палестине, и побуждая католиков и протестантов усугублять свои усилия в громадные денежные средства в этой стране. В такой неравной финансовой борьбе мы в конце концов осрамимся, будем задавлены. Воля Ваша, неладно самопроизвольно вовлекать русское правительство в неожиданные для него замешательства и заставлять нас употреблять приобретенное, для иных высоких целей, влияние в Турции на принуждение Порты признавать законными тайные купчие и незаконные сделки».

Если друг о.Антонина так относился к покупке земель, то что было говорить про Петербург, который вообще-то и к Миссии, и лично к о.Антонину не благоволил. С земельными приобретениями усиливались позиции Миссии, а этого не хотели в Петербурге. Сам о.Антонин в упоминавшемся письме к Мансурову говорил об этом. Эти покупки были сделаны отцом Антонином самостоятельно без

официального предварительного разрешения и донесения по начальству. Этим как бы подчеркнулась во время той «системы» церковная независимость о.Антонина от чиновников. Поэтому он и отвечает на свой же вопрос, могла ли ему это простить система: «Я не дитя, чтобы поверить этому».

Общая политика России в то время была сохранением «статус-кво» во владении святыми местами. Приобретения о.Антонина шли вразрез с государственной политикой России в Турции. Поэтому Петербург не только неблагосклонно смотрел на это, но даже запрещал О. Антонину покупать землю.

«Сначала от П. Стремоухова, стоявшего во главе Азиатского департамента Министерства иностранных дел и управлявшего делами Палестинской Комиссии, было получено доверительное отношение (от 28 апреля 1872 года) о нежелательности дальнейшего приобретения земельных участков в целях сохранения „статус-кво“, и дабы не нарушать тот политический принцип, который мы сами первые провозгласили, т. е. о недопущении ни православным, ни католикам выходить из пределов тех владений, которыми они ныне пользуются. Вслед за этим и Синод официально воспретил начальнику Миссии нашей покупку новых владений в Палестине. Мы наивно продолжали охранять „политический принцип“, а латиняне, разумеется, и далее приобретали для себя все, что только было возможно, не беспокоясь особенно тем, выходят ли они из пределов, установленных дипломатическими соглашениями. Таким образом, ряд замечательных мест Палестины был католиками приобретен на наших глазах».

Такое отношение столицы естественно вызывало справедливое возмущение и удивление о.Антонина. Странно получилось, что все исповедания покупали земли в Палестине, а Россия, стремившаяся к покровительству Православия и к укреплению своих позиций, отрицательно смотрела на это из-за некоторых сомнительных дипломатических опасений.

<...>Не оставляла без внимания Миссия и местное арабское население, которое вызывало у о. Антонина живейшее сочувствие.

Он всемерно поддерживал школу в Бет-Джале, основанную Е. Ф. Бодровой. Зная, что эта школа принесла и принесет много хорошего для арабов, поддерживая в них Православие, давая им образование и распространяя среди них влияние русского имени, о.Антонин представил основательницу и учительницу этой школы к награде. Но чиновный Петербург, распределявший все жизненные проявления по определенным рубрикам и полочкам департаментов, ответил о.Антонину, что в Петербурге ни в одном ведомстве эта школа не значится. Потом Министерство иностранных дел навело справки, и Св. Синодом было преподано Бодровой благословение с выдачей грамоты. Эту школу о.Антонин позднее передал Палестинскому Обществу, а школа, с одобрения и утверждения Правления Общества, избрала о. Антонина своим почетным попечителем.

У отца Антонина еще была мысль организовать в Палестине по католическому образцу общину палестинских сестер, чтобы они занимались делами милосердия и просвещения арабского населения. Эта мысль осталась только в мечтах о.Антонина. О. Антонин просил Св. Синод увеличить расходную статью сметы для того, чтобы Миссия могла больше помогать школам и арабскому духовенству. Для этого испрашивалось две тысячи рублей. Св. Синод отказал в просьбе, мотивируя это тем, что ввиду церковных нужд в самой России, большое пособие сейчас дать невозможно, а небольшое пособие не даст больших результатов.

Отец Антонин думал и о других местах Палестины. К нему, а не к кому иному, обращались с просьбами об открытии школ жители Наблуса и Бетсахура, Яффы и Каны Галилейской, и даже заиорданского Керака, а также и других мест Палестины. У него просили содействия и помощи для православной школы в Бейруте. К нему обращались за помощью и учителя. И никому не было отказа у благостного начальника Миссии. По мере своих возможностей он помогал образованию сирийских и палестинских арабов.

Не отказывал о.Антонин в просьбах и другим единоверцам. Когда в 1870 году к нему обратилась Диярбекирская община болгар, то он помог им необходимыми книгами и церковной утварью.

Много расходов несла Миссия при о. Антонине. Интересно знать, каковы же были ее финансовые возможности и доходы?

По смете, утвержденной еще при епископе Кирилле, Миссии отпускали на все расходы 14.650 руб. Пробыв в Миссии 4 года, о.Антонин окончательно убедился, что этого недостаточно для нормальной жизни и просветительской деятельности Миссии. Тогда о.Антонин в 1869 году подал свой рапорт в Св. Синод об увеличении ассигнования на расходы начальника Миссии, которые шли на благотворения и поддержание образования в Иерусалиме и Палестине. Зная скупость начальства, о.Антонин предложил сократить (на 500 руб. каждому) зарплату штатным иеромонахам, назначив новых иеромонахов из России на такие оклады. О. Антонин говорил, что найдутся иеромонахи, которые согласятся служить в Иерусалиме за небольшой оклад. Можно было еще сделать экономию, набирая певчих из числа паломников. В Синоде категорически отклонили этот рапорт, только потребовали уточнений, куда идут деньги из отпускаемых по смете сумм.

Двадцать лет в финансовой жизни Миссии не было никаких перемен. В 1889 году Палестину посетил брат императора великий князь Сергей. Он же был председателем Палестинского Общества. После своего возвращения в Петербург он обратился к обер-прокурору Синода Победоносцеву с письмом от 6 июля 1889 года № 73, в котором писал:

«Во время последнего Моего посещения Святой Земли я лично убедился в недостаточности личного состава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в которую входят кроме начальника два иеромонаха и один иеродиакон.

Между тем, круг обязанностей Духовной Миссии ежегодно увеличивается. Кроме постоянной службы в Троицком соборе на Русских Постройках, является ныне существенная необходимость в еженедельной службе в новосооруженном храме св. Марии Магдалины, в храме Вознесения на Елеонской горе и в храме Казанской

Божией Матери в Горнем, а в недалеком будущем предвидится сооружение еще двух церквей.

Испрошенное мною у Его Блаженства, Иерусалимского Патриарха, разрешение на еженедельную русскую службу у Гроба Господня остается без исполнения именно ввиду того, что при нынешнем личном составе Духовной Миссии службу эту некому исполнять.

Наконец, нельзя оставаться равнодушным к тому недостатку духовного призрения, которое ощущают наши православные поклонники, и недостаток этот становится ощутительным по мере того, как улучшается их материальный быт.

Я прилагаю при сем проект нового штата Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, прося Ваше Высокопревосходительство поручить его внимательному рассмотрению, причем, однако, считаю необходимым присовокупить, что показанное в оном число лиц едва ли может быть сокращено без ущерба для дела.

Общий ежегодный расход на Духовную Миссию исчислен по проекту в 30.000 руб. золотом; недостающую сумму Палестинское Общество, которое несет обязанности Палестинской Комиссии, находит возможным уделить из тех 30.000 руб. кружечного сбора, которые перешли ныне в его распоряжение».

Просьба была немедленно уважена, и Миссии было ассигновано 30 тыс. руб. золотом. Безоговорочное увеличение штата Миссии не было результатом заботливого отношения к ее нуждам. Здесь играло роль только письмо близкого родственника царя. Вскоре после этого о.Антонин обратился в Синод с просьбой о небольшом пособии для церквей в Горнем и на Елеоне, но ему отказали.

В Указе, которым увеличивалось содержание Миссии, кроме финансовых дел, еще давались некоторые правила для внутренней жизни Миссии. Вот они: «Для Русской Духовной Миссии обязательны:

1.а) ежедневная служба в Троицком соборе; б) дневные службы: в храме Воскресения с надлежащего на сие разрешения Блаженнейшего Патриарха, св. Марии Магдалины, Вознесения и в Горней; в)

ежедневные в паломнический период чтения или беседы и г) сопровождение паломников при посещении ими святых мест.

2. Начальник Духовной Миссии определяется и увольняется указом Святейшего Синода; определение и увольнение остальных членов Миссии и служащих при оной зависит непосредственно от начальника Духовной Миссии.

3. В непосредственном заведовании начальника Миссии находятся все сооружения Духовной Миссии и имения, которые будут принесены в дар Миссии.

4. Членами Духовной Миссии могут быть только русские монашествующие или лица белого духовенства вдовы.

5. Члены Духовной Миссии обязаны исполнять все требы для русских паломников безвозмездно, над чем начальник Духовной Миссии должен иметь особое строгое наблюдение.

6. Жительство в доме Духовной Миссии лиц женского пола строго воспрещается и

7. Для членов и служащих Миссии (за исключением начальника оной) надлежит устроить общую трапезу, на что разрешить употреблять столовые деньги или часть оных».

Такое определение Синода явилось следствием упомянутого выше письма князя Сергия к Победоносцеву, где слово в слово говорилось о том же. А письмо князя было, очевидно, результатом договоренности между о. Антонином и представителями Палестинского Общества.

Мы несколько отвлеклись от финансового положения Миссии. Снова продолжим повествование о нем. Кроме полагающихся по смете денег, Миссия ежегодно получала еще от консульства 435 руб. на отопление Миссии и освещение ее коридоров.

Петербург на деньги был скуп, и Миссии приходилось «торговаться» за малейший перерасход или с Синодом, или с Палестинской Комиссией. Только Палестинское Общество было щедрее в этом отношении. Часто бывало, что расходы, связанные с ремонтами храмов, хотя и с оговорками, но возмещались Миссии из Синода. Однако имели место и такие случаи, когда Миссии

Петербургом разрешалось какое-либо благоустройство, но... на свои средства.

Синод часто отклонял просьбы о денежной помощи для Миссии, но некоторые архипастыри от себя жертвовали Миссии деньги на ее святое дело. Например, митрополит Московский Иннокентий пожертвовал 300 руб. лично от себя и 500 руб. от Троице-Сергиевой Лавры, а митрополит Киевский Арсений — 556 руб. на приобретение Дуба Мамврийского.

Единственной щедро дающей и неоскудевающей рукой была для Миссии рука русского верующего народа. Мы не будем называть всех имен и сумм, пожертвованных в Миссию, из-за невозможности все это перечислить, нужно только сказать, что пожертвования были самые различные от нескольких рублей до тысяч, жертвователями были представители буквально всех сословий России, проживавшие на всем ее необозримом пространстве до Якутии включительно. Жертвовали деньги, жертвовали и драгоценности, жертвовали и вещи, особенно жертвовали все необходимое для храмов. Деньги посылались как начальнику, так и другим членам Миссии. Только благодаря такой широкой народной поддержке и можно было сделать Миссии и о. Антонину то, что было сделано.

Одним из выдающихся событий из русской иерусалимской жизни были раскопки близ храма Гроба Господня, сделанные под руководством о.Антонина. По евангельским описаниям место распятия и погребения Спасителя было близ города, но за городскими стенами, так как на основании Ветхого Завета нельзя было устраивать кладбище в черте города, а только «вне стана». В настоящее время Гроб Господень оказался почти в центре Иерусалима. Недалеко от храма Гроба Господня был участок земли, на котором были торчащие из земли остатки древних колонн. Этот участок, принадлежавший коптскому священнику, был в 1859 году куплен русским правительством для постройки здесь дома для консула. В 1860 году было решено консульский дом строить на приобретенном большом месте на Мейдамской площади. Купленная земля осталась без внимания, но об

этом месте разные ученые говорили, что тут должны в земле храниться ценные остатки древности.

В 1883 году под руководством о. Антонина начались раскопки, которые подтвердили, что место распятия и погребения Христа было за городом. Этими раскопками были обнаружены древняя городская стена Иерусалима и порог судных врат, через которые, выходя из города, переступил Божественный Страдалец за грехи мира.

На месте этих раскопок был построен храм в честь св. Александра Невского.

Раскопки в Иерусалиме были продолжением научных занятий, которые вел о.Антонин в течение всей жизни. Где бы он ни был — в Греции, на Афоне, на Синае, в Иерусалиме и т. д., он всюду пытливно изучает древности. Большую переписку вел о.Антонин с научными учреждениями. Благодаря его трудам он становится почетным членом как академий, так и различных научных обществ. Множество дипломов его, хранящихся в Миссии, до сих пор красноречиво говорят об этом.

«В таких разнообразных и упорных трудах проходили в Иерусалиме день за днем и сменялись год за годом почти тридцать лет жизни. Палестинские дождливые зимы с холодными резкими ветрами скрашивались неожиданно хорошими теплыми днями с чистыми далями, в которых снова приветливо и радостно оживает вся природа. Тогда пустыня, обычно мертвая, желтая, сухая, становится вдруг такой привлекательной, покрываясь пестрым ковром ярких цветов и оправдывая поэтическое выражение песнописца: „процвела есть пустыня яко крин“. Наступало затем жаркое лето с душными днями и прохладными ночами, все засушивающим, раскаленным ветром „хамсином“, живительными каплями ночной росы и яркими звездами на черном небе.

Разноплеменный и многоязычный Иерусалим захватывает всякого пришельца шумом и красочностью своего пестрого содержания. Бедуины и феллахи в нарядных бурнусах, евреи в лисьих шапках, лапсердаках и с пейсами, армяне в своих острых монашеских куколях, копты с татуированными руками, темнолицые эфиопы, чистые сердцем дети далекой Абиссинии с доверчивым и грустным

взглядом глаз, пестрое латинское воинство белых доминиканцев, коричневых фратров из „Кустодии“, темных бенедиктинцев, черных иезуитов, англиканские priest'ы в тропических шлемах, спокойно-величественные полные невозмутимого достоинства в своих крылатых рясах греки „.

“Вот на всем этом фоне, шумном, пестром складывалась повседневная жизнь архимандрита Антонина. Впрочем, о жизни пусть лучше расскажут близко знавшие его друзья и сотрудники. Вот как описывает профессор Дмитриевский жизнь о.Антонина в иерусалимские годы:

«В своем изолированном положении, представленный сам себе, он не сидел сложа руки, но весь день и большую часть ночи посвящал неустанному, напряженному труду. Двери его келий с раннего утра до позднего вечера не закрывались; рано утром он принимал туземцев — арабов, решая их споры, давая полезные советы, оказывая им материальную помощь предметами первой необходимости и деньгами. Их сменяли учителя и учительницы основанных им школ, члены Миссии, свободно и доверчиво шли к нему русские паломники: сановники, купцы и крестьяне, богатые и бедные, стараясь найти у него разрешение волновавших их недоуменных вопросов, и о.Антонин подолгу и охотно беседовал с каждым, чем успел многих из них привлечь на свою сторону и расположить быть активными пособниками ему в том деле, которому он отдался всей душой. Только поздним вечером он оставался одним, но не одиноким: друзьями его и собеседниками были любимые им книги. В это время до позднего часа ночи он сидел то над какой-либо старинной рукописью или фолиантом, то вел ученую археологическую работу, то, вооружившись лупой и имея под руками капитальные нумизматические издания, напрягал все усилия своего зрения над чтением какой-либо старинной римской или греческой монеты (о. Антонин был страстный нумизмат), то удалялся на устроенную им над Миссией обсерваторию, чтобы провести несколько времени, изучая дивную твердь небесную с ее неисчислимым разнообразием светил, то садился за свою «повесть временных лет», поверяя ей думы, чувства, мысли и впечатления

прожитого трудового дня и таким образом давая будущему историку нашего времени весьма ценный материал для характеристики, то, наконец, вооружившись иглой, штопал свою ветхую рясу и дырявый чулок... Шум самовара на столе и «любимое питье дальней отчизны» — чай, вот что составляло неперемutable дополнение в его кабинете при этой его вечерней работе...

После такого делового дня нередко рано утром его видели уже выезжающим с Русских Построек в сопровождении своего верного драгомана Якова Халеби, как говорили шутники: «в разъезд по епархии», т. е. для обозрения каких-нибудь построек, земельных участков, любимого Бетджалского приюта или приютов в Хевроне, Горнем, в Иерихоне и других местах...

Ветхая одежда, крайне скудная трапеза, состоящая очень часто из одного блюда, излюбленного арабского «фули» (большие темные бобы) и никогда не сдобриваемая столь обычным и дозволенным у монашествующих на Востоке мясом, отличали обиход о. начальника Миссии. Он не боялся уронить престижа и достоинства своего официального положения скромной жизнью и трудом. Не раз его заставляли незнакомые люди прибирающим свою келию и, принимая его за келейника, просили доложить отцу архимандриту, и немало потом удивлялись и смущались, когда перед ними являлся тот же келейник в греческой широкой рясе и уже в облике самого отца начальника Миссии.

Несмотря на скромную жизнь и на отсутствие декораций, ни на органическое отвращение к пышности и этикету, откровенность и прямоту перед Патриархией, авторитет его все же стоял на недостижимой высоте".

Три раза за все время выезжал из Палестины о. Антонин. В 1868 году в Константинополь по делу Синайского кодекса, в 1870 году на Синай в свою научную поездку и, наконец, во время войны 1877–78 годах в дорогие его сердцу Афины, которые он и не надеялся больше увидеть после своего румелийского путешествия. Снова Парфенон, Акрополь и дорогой ему Ликодим... Характерно для него и то, что отпуском (на 29 дней) он пользовался только один раз в 1863 году, когда

он ездил в Россию. Можно сказать, что его личная непосредственная связь с родной страной надорвалась уже при первом отправлении в Афины из Киева. Смерть близких: отца, Иоанна Леонтьевича в 1865 году, дяди Ионы в 1866 году, матери в 1876 году, Серафимова в 1884 году еще более ослабили оставшиеся тонкие ниточки. Последней утратой была кончина брата Платона Ивановича в 1892 году. Одиноким и оставленным почувствовал он себя. Старость медленно подползала уже давно.

Как далеко в эти бессонные иерусалимские ночи, отведя глаза от телескопа, он уносился в минувшие годы. Милые образы вставали чередой: батури́нский незатейливый уют, бурса, подпольная война с брюзжащим дядюшкой Ионой, Академия, памятный летний день в Умани и Наденька на фоне золотистого заката. Парфенон, Византия, Синай, трепет творчества, азарт раскопок, горечь уколов жалкого чиновного карьеризма... И снова сегодняшняя темная, темная звездная Палестинская ночь, полная аромата, загадки и всегдашнего одиночества. Вереницы ярких встреч на всем долгом жизненном пути до коронованных особ, патриархов и мировых светил. Своя, немного правда приевшаяся, но все же еще щекочущая слава, знаки почета, ученые дипломы...

И это все... Андрюша Капустин! Батури́нский, с русыми кудрями, востроглазый, веснущатый мальчик. Семинарист «Коза» в тогдашнем модном, нанковом сюртучке. Да так ли это? Не сон ли все?..

Болезнь, причиняя порой нестерпимые страдания, напоминала ему о смерти все чаще. Но тем не менее он неустанно работает и в области науки, и в деле устройства паломников, школ, церквей. Работал он, можно сказать, почти до часа своей смерти. И как многие ему подобные труженики он предъявлял к себе исключительно строгие требования. «Здоровье у меня было каменное» — говаривал он. — «Трудно мне теперь стало заниматься наукой. Прежде я мог заниматься семь, восемь часов без перерыва, а теперь три, четыре, не больше: глаза устают»...

В 1894 году была закончена церковь святого апостола Петра и прав. Тавифы в Яффском саду. Освящать ее приехал сам Патриарх

Герасим, и о.Антонин, разумеется, при этом (16 января) сослужил ему. Тут-то, по-видимому, он и заболел разлитием желчи. Временами болезнь отпускала его, но ненадолго, и снова нестерпимые страдания укладывали его в постель. Все же 3-го февраля он был на даче у Патриарха и долго пробыл там на устроенной им обсерватории. Но уже вскоре после этого наступили угрожающие признаки: потеря аппетита, отвращение к лекарствам. 23 февраля он еще писал бумаги в канцелярии. В марте он уже почти не вставал с кровати. Чувствуя приближение кончины, он вызвал к себе своего духовника, настоятеля лавры св. Саввы, иеромонаха Анфима, 18-го марта был им напутствован в будущую жизнь. 19 марта в присутствии консула нашего С. В. Арсеньева отец архимандрит изложил свою последнюю волю:

1.Синоду он передавал все земельные имущества и печатные книги своей библиотеки,

2.Миссии — музей древностей,

3.Эрмитажу — найденный им при раскопках бюст Ирода Великого. (Копия его хранится сейчас в археологическом кабинете Московской Духовной академии — А.Н.)

4.Киевской академии — телескоп Секретана, а другой, меньший, брату Михаилу Ивановичу, жившему в Перми и также большому любителю астрономии.

5.В Далматовский монастырь — наперсный крест,

6.Святому Гробу — панагию с сибирскими камнями,

7.Кафедральному Собору в Перми — другую панагию,

8.Публичной библиотеке в Петербурге — собрание рукописей греческих и южно-славянских, но с условием, чтобы за них было выплачено 5.000 руб. Русскому посольству в Константинополе с тем, чтобы оно их обратило на постройку церкви муч. Антонина в Ангоре (Анкира), где он и пострадал,

9.Свою «повесть временных лет» — 19 больших тетрадей в 4 долю листа его дневников, изо дня в день водимых с 1841 года, он завещал Синоду, но с тем, чтобы для печати ими воспользоваться было можно только через 40 лет после его смерти.

24-го марта в 2 часа пополудни отец игумен Вениамин, старший член Миссии, стал читать отходную над угасавшим о.Антонином. В 4 часа ударили к вечерне под Благовещение. Больной спросил: «К чему это звонят?»...

А через некоторое время протяжный и заунывный звон колоколов возвестил Иерусалиму, что отец архимандрит закончил свой страннический путь по лицу земли и душа его пошла «в путь вся земля».

Тело его выставили в зале архимандричьих покоев. По желанию Патриарха, в 7 часов вечера первую панихиду в сослужении греческого духовенства служил архиепископ Тивериадский Поликарп. В 10 часов утра на следующий день была отслужена еще панихида, а в 2 часа дня сам Патриарх Герасим в соборе Святой Троицы совершил отпевание. Трогательным и великолепным, по всем правилам витийного искусства, но в то же время и глубоко прочувствованным словом простился с покойным его друг архимандрит Фотий Пероглу, некогда синайский узник и будущий Александрийский Патриарх. От лица родной Академии простился находившийся тут же в качестве паломника профессор Казанской академии С. Тернавский.

Похоронная процессия от Миссии до Елеона превратилась во всенародное шествие, и самое его погребение было несколько печальным, настолько и величественным зрелищем, редким даже для привычного к таковым Иерусалима. К 6 часам вечера дошли по кружному пути до Малой Галилеи. Из церкви вышел митрополит Иорданский Епифаний и встретил процессию с краткой литией.

Отец архимандрит завещал похоронить себя в храме на Елеонской горе с правой стороны. При копании могилы оказалось, что скала на том месте препятствует этому и поэтому могилу его устроили в левой части храма. На следующий день там служил заупокойную Литургию митрополит Епифаний, а в Воскресенском храме — сам Патриарх.

Пройден путь длинный и скорбный, путь от Урала до Елеона. Не даром прожиты одиннадцать седмин, создано в Святой Земле столько для русского имени и для Православной Церкви, сколько не создать и

нескольким поколениям. Найдутся ли новые антонины, могущие продолжить его дело и выполнить то, что завещано им?

Большая мраморная плита закрывает на вершине Елеона его прах. Кругом все дышит и говорит о вознесшейся к Небесному Отцу и Творцу всяческих преображенной плоти. Легкий ветерок из пустыни качает вершины сосен и кипарисов. А вдали за Мертвым морем серо-лиловые тени, будто дымкой подернутые вершины Моава, такие близкие и в то же время где-то далеко-далеко утонувшие во мгле жаркого летнего дня".

Так закончилась жизнь самого выдающегося деятеля Русского Православия в Иерусалиме и на Востоке.

Можно определенно утверждать, что никакого послесловия ко всему изложенному об отце Антонине не требуется. Все сказанное о нем говорит само за себя.

Архимандрит Никодим (Ротов)

Статья сайта «Императорское Православное Палестинское Общество» раздела «История создания ИППО».